

© 1994 г., ЭО, № 2

Н. М. Гиренко

О ДВУМЕРНОМ И МНОГОМЕРНОМ МЫШЛЕНИИ

(Заметки по поводу недоумений сердитого критика)

Переживаемый нами в настоящее время общественный кризис имеет естественное и вполне логичное продолжение в обществоведческих дисциплинах, в частности в этнографии, или, если угодно, в этнологии. Мы видим муки поиска новых ориентиров во всех сферах жизни, растерянность тех, кто утратил идеологическую точку отсчета, а подчас и огорчение от внезапной девальвации результатов своей многолетней самоотверженной научной работы. Догма перестала быть критерием истины, и ориентированные на нее работы лишились политического смысла.

Кризисное состояние этнологии заключается, на мой взгляд, именно в этом гораздо более существенном факте, нежели в общеизвестных экономических трудностях, осложняющих полевую работу, публикации и тому подобное. Впрочем, кризис этот затронул в этнологии отнюдь не всех исследователей. Все, что не было ориентировано на идеологический заказ, не может быть девальвировано в связи с изменением политической ситуации, и таких исследований (в том числе и в области теории) немало. Наихудшая ситуация (в этнологии), по-видимому, в области исследования социальных структур, как это справедливо отметил В. А. Шнирельман: «Вообще, социальная структура оказалась наименее изученной, так как ее аналитическое рассмотрение тут же обнаруживало серьезные проблемы, обсуждать которые не полагалось»¹.

В настоящее время как раз актуально ставить вопрос о пересмотре решения проблем в тех областях этнологии, где на самом деле кризис, выразившийся в противоречии официальной догмы и реального состояния, назрел задолго до перестройки и сейчас лишь обозначился.

В этом отношении крайне полезна рецензия Ю. И. Семенова² на мою монографию «Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики» (Ленинград, 1991). Рецензия озаглавлена «О „социологии племени“, теоретическом мышлении и о многом другом», что совершенно правильно отражает существо вопроса: каким образом данная работа соотносится со способом теоретического мышления Ю. И. Семенова, его понимания социальной структуры догосударственных обществ, его способами аргументации и некоторыми его концепциями. Внимание к работе Ю. И. Семенова важно прежде всего потому, что примерно с конца 60-х годов он предстал неким подобием блюстителя теоретических нравов в изучении первобытности. Для Запада он был интересен как наиболее типичный представитель экзотической советской мысли, попытками изложить идеи конца XIX в. в более современной лексике и подкрепить их фрагментами этнографических и других наблюдений более позднего времени. В принципе же все построения выдержаны в традиционном эволюционистском духе: расположить наблюдаемые в живой этнографической действительности институты, социальные формы, обычаи на эволюционной (исторической) шкале. Поэтому рецензента крайне возмутило отсутствие периодизации общественной эволюции в категориях «эпоха праобщества (и соответственно праобщины)», «эпоха развития человека и общества», «фаза раннего первобытного общества», «фаза позднего первобытного общества», «эпоха предклассового общества» (с. 143). Раскладыванием этнографической реальности по эпохам и фазам пусть занимается «история первобытности». Передо мною стояла менее глобальная задача: показать, как функционирует племя, какими основными свойствами оно обладает, какие общие социальные тенденции эти процессы обнаруживают через многообразие форм этой системы общественного устройства.

Я искренне благодарен автору прежде всего за то, что он наконец прореагировал на работу, начавшуюся по сути дела с этнографической экспедиции на острова Океании и с первой моей статьи 1972 г. Остались без внимания статья по переработке таких ключевых моментов в проблематике по «первобытности», как соотношение дуальной организации и систем родства³, о сущности классификаторских систем и их эволюционных форм⁴, о принципиальных формах терминологической группы сибингов (брат-сестра)⁵, о соотношении культуры и общества как категорий и систем⁶ и прочие. Судя по рецензии, Ю. И. Семенов с этими работами просто не знаком, так как каждая из них должна была вызвать раздражение не меньшее, чем данная монография. Наконец, работа нашла своего основного адресата, и это не может не вызывать чувство удовлетворения и благодарности рецензенту, несмотря на то, что критика выполнена в классическом духе выволочки первокурсника на идеологической комиссии райкома.

Естественно, противоречия с «классической» советской концепцией обнаружили уже во введении. По мнению рецензента, термин «социология» неприменим к догосударственным образованиям. Вероятно, поскольку еще в 1913 г. И. В. Сталин четко определил: племя — общность этнографическая, нация —

общность историческая⁷. Но помимо этого, единой общей социологической теорией считался марксизм-ленинизм, где действительно были ответы на все общественные загадки: там в социологию входит и экономика, и мировоззрение, и прочее. Тогда, конечно, не может быть ни социологии племени, ни социологии города, ни социологии деревни. Впрочем, как мы знаем, социологии почти не было. Тогда нельзя писать и об экономике первобытности, но пишут; целое научное направление возникло. Ю. И. Семенов прав, что социология практически затрагивает (может затрагивать) все сферы общественной жизни (например, социология экономической жизни или религии), но потому и может, что социология и экономика имеют свою специфику, а социальные отношения отделены от экономических, хотя и они взаимодействуют, а тем самым и влияют друг на друга. В первых строках введения говорится, что речь пойдет об «общественных отношениях, под которыми подразумеваются взаимодействия людей по самому различному поводу, но только в той мере, в какой эти отношения ведут к сложению коллективов, т. е. множеству людей, объединенных единой системой или одним типом взаимоотношений»⁸. Рецензент ссылается на некоторое «общепринятое» понятие социологии, возводя его к «обществоведению», науке об обществе вообще. Было бы неплохо узнать, где это «общепринятое» понятие сформулировано, в какой социологической школе, помимо классиков марксизма, считавших, что О. Конт ограбил и извратил своего учителя Сен-Симона. «Общепринятое» — категория достаточно часто встречающаяся в рецензии и, как правило, как раз тогда, когда речь идет о вещах, относительно которых ничего общепринятого нет. В частности, о самом понятии «племя». На с. 73 (а не на с. 71, как указано в рецензии) действительно перечисляется ряд, в пределах которого обычно рассматриваются свойства племени, — это и первобытное общество, и родоплеменной строй, и первобытно-общинный строй, и прочее; знак равенства между этими понятиями ставлю не я, как полагает рецензент, а практика использования этих наименований для этнографической реальности, а не для гипотетических эпох. Так что спорить относительно того, совпадают или нет понятия племенной строй и первобытнообщинный, Ю. И. Семенову следует не со мной.

Для меня более существенным на той же странице является положение о том, что в советских работах просто игнорируется категория «племя», не раскрывается, что стоит за этой категорией, и далее обосновывается, почему это объективно происходит: потому, что этнография доклассового общества и все исторические «реконструкции» основаны на выявлении эволюционной первичности-вторичности конкретных этнографических явлений, а точнее — конкретных этнографических форм социального устройства. Поэтому, когда Ю. И. Семенов поучает, что де племя не могло быть в некую первобытную эпоху, хорошо было бы определить, какого племени, в каком определении и с какими основными общественными институтами, с какими формами коллективов? В известном труде 1982 г. только говорится, что «само понятие племени есть этносоциальная абстракция довольно высокого уровня» и что исследователи «отбрасывают понятие племени, вместо того, чтобы уточнить и обогатить его за счет использования новых материалов»⁹. К сожалению, комментариев Ю. И. Семенова относительно такого состояния общепринятой категории не последовало.

Суровый гнев вызвала и такая категория, использовавшаяся в работе, как «коллектив». Рецензент утверждает, что категория непонятна, и определения ей нет, хотя определение в данном случае, как и во всех прочих, имеется, и уже на третьей странице работы. Должен заметить, что рассуждать о явлениях социальной жизни, используя неопределенные, хотя бы в рамках данной работы, понятия — дело пустое. В данном случае, в частности, очень важно различать систему отношений — взаимодействие людей по каким-либо поводам, причем предполагается, что и поводы и взаимодействия постоянно воспроизводятся; сложившуюся на этом основании структуру отношений, реальную группу людей, участвующих в этой системе отношений, и материально данное культурное пространство (жилище, поселение, общественная территория и прочее). Из сказанного, думаю, понятно, что коллективом может быть и семья, и род, и община, и племя. Как пример логического слабумия автора рецензент приводит положение работы о том, что любой человеческий коллектив (общественная система) обладает органами власти и управления, которые регулируют его взаимоотношения с внешним миром и частично отношения хозяйственно самостоятельных коллективов в своей среде¹⁰. Цитата взята из раздела «Интеграция общин как основа племенной организации». Автор рецензии решил данное положение сократить до формулировки «любой коллектив состоит из коллективов» и с удовольствием доказал логическую несостоятельность своего тезиса, хотя по контексту и даже в отрыве от него вполне понятно, о чем идет речь. Главное, что вызвало, вероятно, неудовольствие, это то, что упомянуты органы власти и управления, под которыми рецензент, наверное, понимает исключительно самостоятельный институт на постоянно действующей основе. На эту мысль наводит отсылка к савфа и нгендо, которые «не обладали централизованной властью, объединявшей посредством единого института ряд общин в целостность» (с. 142). Неясно только, почему все савфа или нгендо, по мнению рецензента, являются коллективом. Для Ю. И. Семенова, как я полагаю, этнос тождествен социальной системе, что является весьма распространенным заблуждением, вытекающим из полного неразличения культуры и общества.

В этой связи приведем очередной пример критического приема рецензента, который можно определить, как «усечение» мысли. Критикуя определение культуры как системы форм реализации общественного процесса, рецензент забывает о «системе форм» и недоумевает: «Если культура есть реализация общественного процесса, то совершенно непонятно, как можно противопоставлять социальные и культурные процессы» (с. 148). Присоединяюсь к недоумению рецензента по поводу им же самим выдуманной нелепости.

Вообще, способ подачи рецензентом материала моей книги весьма оригинален. Так, например, утверждается, что страшной ошибкой автора было исключить из рассмотрения экономику. По мнению Ю. И. Семенова, вероятно, следовало не только дать минимально необходимые данные по типу и виду хозяйства, но и полное описание сельскохозяйственных циклов, форм обмена и прочее и прочее, т. е. заняться всем? Это в объеме работы, конечно, бессмысленно. Впрочем, экономическая мотивация

представлена по всем разделам, но рецензент не обратил на нее внимание. В частности, он не заметил и преимущественно экономической мотивации при рассмотрении тенденции к воспроизводству матрилиатеральной или патрилатеральной филиации. Впрочем, для Ю. И. Семенова не существует разницы между матрилиатеральным социальным организмом родства и матрилинейным, между патрилатеральным и патрилинейным, а тот факт, что имеется свидетельство перехода от «матрилинейности к патрилинейности», для него является убедительным свидетельством того, что некогда была эпоха если не матриархата во всем мире, то, по крайней мере, матрилинейности. Для него ясно, что экзогамный запрет был выработан обществом в целях подавления зоологического индивидуализма, дабы промискуитетному стаду перестали мешать ненужные половые инстинкты. Для этих целей организовали дуальную организацию, из которой появился материнский род классического вида в духе моргановской реконструкции ирокезского рода, после чего из экономических соображений организовали род «патрилинейный». Л. Г. Морган честно писал, вот, мол, решили, что так будет лучше, и поменяли филиацию. Советские философы, естественно, расуждая масштабно, эпохами всего человечества, эти детали перехода от одной формы к другой предпочитают замалчивать, конкретных исследований систем и терминов родства, систем родственных отношений, возрастных систем, систем власти в обществах догосударственной фазы социальной эволюции до недавнего времени предпочитали не проводить. Для такого рода исследований удобно использование совершенно неконкретных терминов, которые, будучи постоянно повторяемы и привычны, традиционны, используются как некие магические формулы.

Вопреки утверждению рецензента о том, что в книге проблемы экзогамии просто нет (с. 144), позволю отметить основные позиции, которые реально в книге даны: культурная установка на максимальное воспроизводство присутствует в подавляющем большинстве существующих и исторически известных культур. Экзогамия (как запрет на брак с определенной группой в пределах родственников и свойственников) присутствует во всех культурах. Меняется лишь форма социального организма родства и экзогамной группы. Менялись эти формы и исторически. Нет оснований связывать развитие и возникновение экзогамии с формами дуальных организаций. Есть основания полагать, что экзогамия возникла до развития классификаторских систем, когда основной формой социума было множество малочисленных групп охотников и собирателей с контактами между ними по различным поводам. Демографическая структура таких групп не дает устойчивой базы для гарантированного воспроизводства жизнеспособной группы и при вступлении в фертильный возраст члену такой группы легче найти брачного партнера за ее пределами, т. е. ориентирясь на более многочисленную общность. Вероятно оптимальная ориентировка закрепляется в культуре. Противоположная ориентировка ставит группу перед проблемой нарушения демографического баланса (соотношение мужчин, женщин, детей), проблемой борьбы за партнера и прочим, что ведет к их разрушению. К этому в схематической форме сводится содержание раздела «Позитивная основа экзогамии», относительно которого рецензент уверяет читателей, что: «Вполне понятно, почему автор не ставит перед собой проблемы, над которой мучались поколения этнографов, — проблемы возникновения экзогамного запрета» (с. 144). Мне кажется, что предложенная схема имеет гораздо больше аргументов, чем абсолютно бездоказательная «дуальная» версия, обоснованности которой посвящена была отдельная работа¹¹, с которой Ю. И. Семенов, к сожалению, опять-таки не знаком.

Мне пришлось достаточно долго размышлять, что же правильно, на мой взгляд, в этой сердитой критике? К сожалению, единственное — это обозначение проблематики: род, семья, община, экзогамия, мужской дом, половозрастная стратификация, племя. Набор, конечно, не полон, так как рецензент не разгромил комплиментарность мужских и женских социальных ролей, временные и пространственные факторы и многое другое. Можно было бы рассматривать буквально каждое критическое положение, дабы показать, что рецензия к тексту имеет отношение, мягко говоря, отдаленное, а за разностными пассажирами и менторскими поучениями стоит либо пустота, либо упомянутая выше догма. Все «критические» моменты перечислить и разобрать невозможно. Смешно ведь перечислять, что не считает Гиренко трехродовой союз несомненно существующим, не выводит семью из биологической фазы, приводит аргументацию в пользу параллелизма материнско- и отцовско-правовых систем и т. д.

Интересен сам по себе феномен критика, точно владеющего не только искусством теоретического мышления, но и истиной в последней инстанции. Этот феномен тоже часть нашей, истинно советской культуры, возвращенной под покровом священной идеологической догмы. Припоминаю случай на одном из собраний в Ленинградской части института этнографии. Проходила встреча с тогдашним главным редактором «Советской этнографии» Ю. П. Аверкиевой. Один из сотрудников, вполне активный и по настоящее время, задал ей сакраментальный вопрос: «Напечатает ли журнал „Советская этнография“ критическую статью с разбором концепций Ю. И. Семенова?» Ю. П. Аверкиева, честнейший и прямой человек, чистосердечно призналась — нет, не напечатает! Это было начало 70-х годов. Концепции, поддерживающие революционную поступь эволюционизма, были вне критики и казались сами себе самодостаточными. В результате, несмотря на продуктивные разработки за пределами «крамольных» тем, под прикрытием глобальных несформулированных эпох и фаз продолжают жить общие схемы эволюции и представления о роде, общине, племени, об основных формах социальной структуры доклассовых обществ, недалеко ушедшие от основных схем Л. Г. Моргана и Ф. Энгельса. Подтверждением тому являются и повторенные в сердитой критике школьные рассуждения Ю. И. Семенова о видах родовых структур (с. 144—145), где он не различает отцовский род от отцовско-правового, двойную филиацию от двойной-односторонней. О соотношении латеральных и линейных форм рода, о череспоколенной односторонней или билатеральной филиации речи, конечно, и быть не может. Его логика неспособна принять возможность иерархии родовых или общинных структур. Тогда, конечно, сложно заметить обоснование возможности перехода от матрилиатеральных структур к патрилинейным с возникновением собственности, способной к накоплению и наследованию, так как для рецензента есть только один вид деления: матрилинейный и патрилинейный род, емко определяемый, как «явление

особого порядка». С таким понятийным аппаратом действительно сложно переходить к разбираемым в работе нормам «патрилинейных» обществ, например брак женщины с женщиной при передаче статуса по женской линии или имущества по мужской.

Я абсолютно согласен с ощущением Ю. И. Семенова, что это совершенно не то, чего ему хотелось бы. Впервые с такой реакцией мне пришлось столкнуться еще в 1974 г., когда я обсуждал с Ю. П. Аверкиевой первую статью на эту тему¹². Л. Г. Морган и его последователи воспринимали схему номенклатуры родства как прямой слепок с социальной реальности некоторой предшествующей стадии и не особо учитывали, что система терминов — это этоцентрическое отражение социальной системы родства. Существовало и логическое противоречие: речь шла об эволюции рода, семьи, системы терминов родства, но не о том, что в системе терминов отражено. Эта система не сводима ни к роду, ни к семье. Я предложил эту систему отношений обозначить как социальный организм родства. Организм, так как это относительно самостоятельная саморазвивающаяся система. Социальный, так как имеем дело с системой человеческих отношений и с коллективами, этими отношениями образуемыми. Родства, так как системообразующими являются отношения, связи по браку и рождению. Ю. П. Аверкиева долго пыталась снять определение и предлагала назвать то родовой, то семейно-родственной и тому подобное системой, что, естественно, не соответствовало реальному явлению. В этой связи статья перешла в раздел «дискуссий», но никаких дискуссий не последовало. Если бы эту статью пришлось переписывать сейчас, то только ради жесткого вывода о том, что построения Л. Г. Моргана относительно гипотетических брачных норм и форм семьи игнорировали структурное отличие и функциональное соответствие социального организма родства и системы терминов родства. На этом недоразумении покоится и идея группового брака, кровнородственной семьи, стадия промискуитета, столь милые Ю. И. Семенову, но не имеющие ни логического, ни тем более фактического обоснования, а потому давно отвергнутые независимой от идеологического догмата наукой.

Существенным влиянием этого догмата можно объяснить боязнь таких «несоциальных» категорий, как время, скорость, движение, и стремление рассматривать их как нечто совершенно абстрактное. На с. 143 следует очередной упрек и наставление: «В своем преклонении перед развитием он доходит до того, что объявляет социум, социальный организм процессом, с чем вряд ли можно согласиться. Социально-исторический организм действительно находится в движении, но сам движением не является» (подчеркнуто мной — *Н. Г.*). И далее: «Нужно всегда отличать развитие от того, что развивается». Оставляя в стороне положение о том, что общество — это особая форма движения материи, и не вдаваясь в подробности относительно содержания категорий «развитие» и «процесс» в понимании Ю. И. Семенова, отмечим, что вне взаимодействия людей социума реально нет. Что подразумевает критик под социумом вне множества процессов взаимодействия, можно только гадать. Скорее всего, свою мертвую понятийную модель, «схему на бумаге», то, что как будто бы В. И. Ленин именовал омертвлением, орублением сознания всякого движения. Очевидно, что для критика социум, социальная система — это мертвая модель, а эволюция — набор таких моделей на временной шкале, а не процесс перехода от одной формы к другой.

Тут я соглашусь, что между логикой критика и логикой критикуемого им текста обнаруживается существенное различие. Оно заключено в двухмерной логике рецензента и последовательной многомерной логике рецензируемой работы. Соотношение примерно такое, каково соотношение двухмерной перспективы на скальных рисунках или петроглифов и линейной перспективой в живописи. Гетерохронность социального процесса, стадийная гетерогенность социальной структуры уложиться в двухмерной логике эволюционизма и быть понятием в принципе не могут, хотя обратный вариант вполне допустим. Тут можно только посочувствовать. Социальное развитие — это как минимум процесс выработки и накопления социумом способов и форм, видов взаимодействия людей друг с другом, с окружающей средой в отличие от простого существования (то есть от процесса простого воспроизводства) или от деградации (то есть потери неких форм и способов взаимодействия без создания новых). Вопрос о том, является или нет социальный организм движением, процессом — действительно принципиально важен и имеет ряд следствий. В частности, является ли коллектив (то есть множество людей, объединенных единой системой отношений) биосоциальной системой? Если нет движения, если отношения это не процесс, а некие позиции в модели, то, конечно, нет. Если есть движение, процесс, то надо признать, что биологическая природа человека влияет на темп, форму, скорость и прочие параметры этих процессов взаимодействия, иными словами, участвуют в нем, и индивид, как часть такого процесса, обладает и биологическими, и социальными характеристиками. Этой теме была посвящена отдельная работа¹³, хотя для Ю. И. Семенова, как и в других случаях, здесь все ясно.

Общеизвестно, что опасно упрекать других в отсутствии способности к чему-либо, в том числе и к «искусству теоретически мыслить», так как очевидное в одной системе координат и понятий становится бессмысленным в другой. Развитие теоретической мысли преимущественно шло через рассмотрение вопросов, не находивших ответа в исходной концепции, через поиск иной системы координат, аспектов, проверку базовых категорий. При этом важно не только дать новое объяснение, важно объяснить объективность, историческую обусловленность и закономерность достижений и ошибок авторов предшествующих концепций. В этом заключен принцип преемственности знаний, накопление способов познания. Концепции и логика, которые близки Ю. И. Семенову, тоже объяснимы, понятны их исторический (особенно для российской науки) характер, условия, при которых они были актуальны. Можно даже понять их некоторую революционность для своего времени, учитывая огромное значение, которое марксистская идеология придавала своему «доисторическому», этнографическому фундаменту в интерпретации К. Маркса и Ф. Энгельса. Замечу, что в их работах огромный материал и много идей, до сих пор не получивших научного развития благодаря политической канонизации. Ю. И. Семенов по существу прав, упрекая меня в отсутствии его логики, отсутствии его искусства теоретически мыслить. Впрочем, за это я благодарен Д. А. Ольдерогге, В. М. Мисюгину, Л. Е. Куббелю и многим другим, уже в

70-х годах понимавшим, что официальные теории пусты, но избегавшим, по известным причинам, печатно давать им должную оценку.

К сожалению, редакция не сочла возможным показать текст рецензии мне для ознакомления до публикации, чтобы читатели уважаемого журнала могли ознакомиться с моими соображениями относительно достоверности моих формулировок и объективности подачи материала. В любом случае, я надеюсь, что все мои пороки не распространяются на рецензентов книги и отдел, рекомендовавший ее к публикации. Я думаю, что от рецензии будет большая польза, если будут опубликованы мои краткие комментарии к ней. Искренне верю, что нынешняя редакция не стоит перед проблемой, перед которой в свое время стояла главный редактор журнала «Советская этнография».

Примечания

¹ Шнирельман В. А. Наука в условиях тоталитаризма // Этнограф. обозрение. 1992. № 5. С. 7—17.

² Семенов Ю. И. О «социологии племени», теоретическом мышлении и многом другом // Этнограф. обозрение. 1992. № 5. С. 139—148.

³ Гиренко Н. М. Дуальная организация и турано-ганованская система: к вопросу о статике и динамике в социальной структуре // Афр. этнограф. сборник. 1980. № 12.

⁴ Гиренко Н. М. Классификаторский принцип и периодизация эволюции систем родства // Афр. этнограф. сборник. 1980. № 12.

⁵ Гиренко Н. М. Брат-сестра (к соотношению типов терминологии и социогенеза) // Афр. этнограф. сборник. 1982. № 13.

⁶ Культура и общество в свете ленинской диалектики. Ленинизм и проблемы этнографии. Л., 1987.

⁷ Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. Соч. Т. 2. 1946. С. 301.

⁸ Гиренко Н. М. Социология племени. Л., 1981. С. 8.

⁹ Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 8.

¹⁰ Гиренко Н. М. Социология племени. С. 230.

¹¹ Гиренко Н. М. Дуальная организация...

¹² Гиренко Н. М. Система терминов родства и система социальных категорий // Сов. этнография. 1974. № 6.

¹³ Гиренко Н. М. Динамика биосоциальной системы // Афр. этнограф. сборник. 1991. № 15. С. 4—61.